

В.А. Станкевич

ВЛАДИКАВКАЗ: 1941–1945 гг.

В.А. Станкевич*

Родившись во Владикавказе в 1931 году, я так и остался здесь жить и даже в годы Великой Отечественной войны никуда не эвакуировался. События военных лет переживал с мальчишеским пониманием ситуации, а современное описание тех событий – результат взрослого понимания, что было и почему именно так.

В нашей квартире на стене была укреплена зеленая тарелка радиотрансляционного громкоговорителя. В пять часов утра 22 июня отец меня разбудил со словами: «Началась война с Германией». Ребята-одноклассники не выражали особого беспокойства. Во-первых, никто из нас не имел наималейшего представления о том, что такое современная война. Во-вторых, взрослые, которых было большинство, говорили: «Мы же немцев разобьем в два счета». К тому же война была очень далеко от Владикавказа.

На нынешнем проспекте Мира были установлены на столбах большие, длинные, конической формы, черные громкоговорители. С первых же дней войны по ним передавались сводки Информбюро, текст которых читал Юрий Левитан. Не прошло и трех месяцев, как военные события стали отражаться на нашем житье-бытье. На уроках немецкого языка нам говорили, что товарищ Сталин рекомендует хорошо знать язык врага – немецкий. И мы добросовестно его учили. Были введены карточки на хлеб, по которым работающим и детям полагалось 400 граммов хлеба, иждивенцам (неработающим и старым людям) – по 250 граммов. Исчезли из свободной продажи сахар и мыло, трудно стало добывать соль. Возникли проблемы с керосином, без которого невозможно было готовить пищу. У всех дома были так называемые керосинки – это резервуар с керосином, плоские фитили и высокая жестяная коробочка, наверху которой решетка для кастрюли и сковородок. Керосин продавали в подвале сзади городского театра. На входе надпись «Фэатæген», что по-осетински значит керосин. Очередь надо было занимать с вечера, часов так

с 22-х, иначе утром могло не хватить керосина. От ступенек подвала с ночи выстраивались металлические баллоны, на каждом из которых мы писали свой очередной номер. При этом мел оставался лежать рядом с твоим баллоном, а каждый, кто приходил позже, писал очередной номер и ставил свой бидон. Никто никогда не переставлял бидонов, а ведь они стояли без присмотра до утра. Часов в пять-шесть утром люди приходили и становились в очередь. Бидоны стояли от угла улицы имени Черноглаза (напротив современного ЗАГСа) до проспекта.

Войну мы стали чувствовать уже в начале 1942 года. В некоторых школах стали организовываться военные госпитали, которые к осени 1942 года занимали здания школ № 30, 7, 8 и других. На западной окраине города недалеко от школы № 30, примерно там, где сейчас памятник Барбашову, ежедневно тысячи горожан трудились на строительстве оборонительных сооружений. Самым внушительным был противотанковый ров, шириной 6–8 метров и глубиной до четырех метров. Для танков того периода такой ров был непреодолим. По крайней мере, так думали наши военные стратеги.

В школах каждому ученику в течение смены давали одну небольшую булочку из простого несладкого теста. Дети «врагов народа» булочку не получали, а делиться с ними своей было небезопасно, могли и донести, что делился хлебом насущным с сыном «врага народа». Конечно, большинство ребят потихоньку отламывали до половины булки другу-однокласснику.

С августа 1942 года город стал готовиться к настоящей войне на его подступах.

На проспекте Мира вдоль всей его длины, там, где сегодня расположен газон, было вырыто и оборудовано бомбоубежище. Глубокий ров с отвесными стенками был накрыт тремя слоями (накатами) бревен, которые располагались вдоль и поперек бомбоубежища. Сверху толстый слой утрамбованной земли. В бомбоубежище были

* В.А. Станкевич – к.п.н., доцент СОГУ

оборудованы места для сидения и лежания, на случай поступления раненых. В бочках – запасы пресной воды. Такое бомбоубежище могло вместить до пятисот человек.

И вот настал самый грозный час войны для жителей Владикавказа: октябрь 1942 года.

Немецко-фашистские войска рвались во Владикавказ. Мы – жители города – знали о фашистах почти все, потому что и на уроках в школе, и по радио нам рассказывали о зверствах завоевателей. Тревога была слишком большой. И вот вражеские войска уже в селении Гизель. До Владикавказа рукой подать. Вот тут-то и начинается та часть истории Великой Отечественной войны, свидетелем которой был и я – мальчик 11 лет.

Город усиленно готовился к защите от врага: ров на западной окраине был заполнен водой. На перекрестках центральных улиц, особенно тех, что вели на юг (по ним можно было проехать на начало Военно-Грузинской дороги), были построены ДОТы (долговременная огневая точка). Это были глубокие подземные сооружения, перекрытые толстым слоем бревен, бетонных плит, стальными листами. Через амбразуры такого дота легко простреливались три прилегающие улицы. Самый большой, мощный по вооруженности дот располагался на углу современных проспекта Коста и улицы Генерала Плиева (это напротив бывшей турбазы). На этот дот возлагалась задача – не пропустить немцев на Военно-Грузинскую дорогу – мечту врага. Ведь именно по ней немцы предполагали попасть в Грузию, а оттуда в Баку, к месторождениям нефти, без которой дальнейшая война была проблемной, так как у немецких войск уже был на исходе запас бензина.

На многих перекрестках в городе стояли «ежи» – отрезки железнодорожных рельсов, длиной 2 метра, которые сваривались в виде торчащих в разные стороны острых концов. Система «ежей» была серьезным препятствием во время уличных боев.

Особой заботой защитников города были мосты через Терек. Все они были заминированы, и на них круглосуточно дежурили наряды наших воинов с мощным вооружением: пушки, пулеметы, минометы. Город был готов к уличным боям, и легко взять его враг не смог бы. Но был секретный приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина не сдавать Владикавказ.

Готовились к боям и жители города. По распоряжению военной комендатуры во всех частных домах в подвалах, которые были почти под всеми старыми кирпичными домами, оборудовались бомбоубежища. В них были установлены нары, приготовлены постели, запасы пищи, воды.

В общих, на несколько хозяев, дворах были вырыты траншеи, шириной полтора и глубиной два метра. Сверху траншеи перекрывались тол-

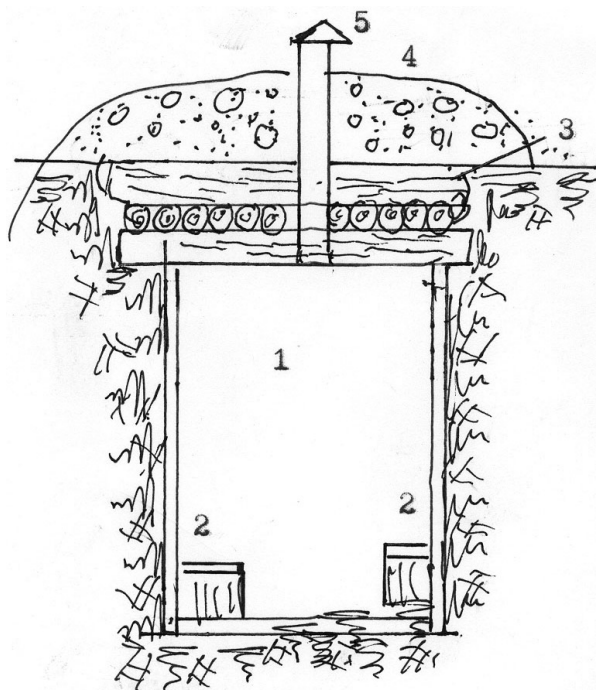

Рис. 1. Бомбоубежище на проспекте имени Сталина в 1942–1943 гг.

(современное название – проспект Мира)

- 1 – помещение бомбоубежища;
- 2 – скамейки;
- 3 – перекрытие из бревен в три наката;
- 4 – бруствер/гравийно-земляная насыпь;
- 5 – вентиляционный канал /деревянная прямоугольная труба.

стыми досками и слоем земли. По сигналу «воздушная тревога» все мирное население должно было укрываться в самодельных бомбоубежищах. В пятиэтажных домах были оборудованы настоящие бомбоубежища. На улицах были развешаны стрелки с надписью «бомбоубежище».

И вот наступили первые дни октября. Начались самые жаркие, кровопролитные бои за Владикавказ. Мы, мальчишки 11–14 лет, не боялись бомбежек, которые длились с первых дней октября по 10–12 числа. Довольно быстро мы научились предсказывать начало бомбардировок, задолго до объявления по радио: «Воздушная тревога!» и сирены. Дело в том, что регулярно, часов так в 10, над городом летал вражеский самолет, который мы называли «рама». Это был двухфузеляжный самолет-разведчик «Фокке-Вульф». Как только он скрывался за горизонтом, раздавался характерный прерывистый гул в небе. Это шли на бомбежку города «Юнкерсы» – самолеты черного цвета с белыми крестами на фузеляжах и крыльях. Бомбы мощностью от 250 до 1000 килограммов сыпались на улицы левобережной части города. Высыпав смертоносный груз, «Юнкерсы» улетали, а им на смену появлялись штурмовики «Мессершмиты». Они летали так низко,

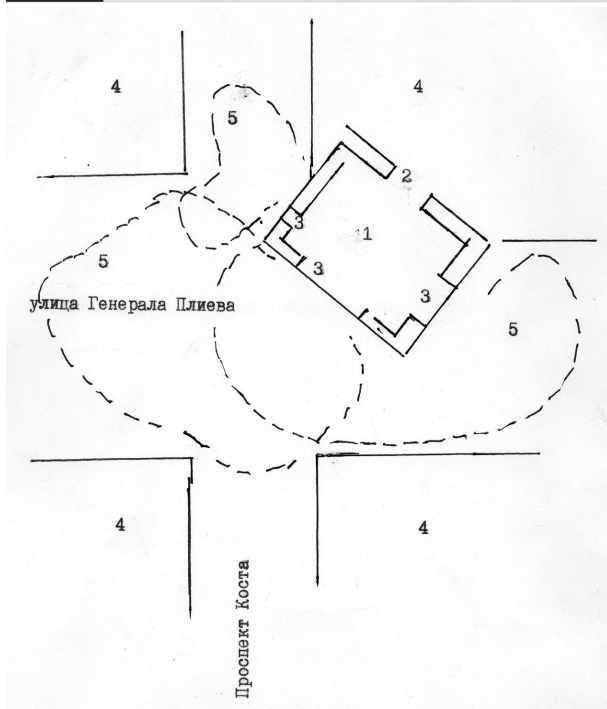

Рис 2. Самый крупный ДОТ во Владикавказе, который мог надежно защитить выход на Военно-Грузинскую дорогу

1 – внутреннее помещение, попасть в которое можно по укрепленной траншее, расположенной в жилом квартале;

2 – вход в ДОТ;

3 – амбразуры, через которые могли простреливаться из пушек и пулеметов прилегающие к ДОТУ улицы, кварталы;

4 – жилые кварталы;

5 – зоны огневой доступности орудий из ДОТа.

Стратегическое преимущество этого ДОТа в том, что зоны огневой обработки из каждой амбразуры перекрывают друг друга.

Названия улиц даны в современном варианте

что мы видели головы немецких летчиков, одетых в кожаные шлемы с очками. Штурмовики носились вдоль улиц и строчили из крупнокалиберных пулеметов. Пройдя улицу, взмывали вверх, разворачивались и вновь полосовали ее плотным огнем. Гибли случайные прохожие, лошади, запряженные в повозки (они развозили по городу хлеб)...

А на подступах к городу шли ожесточенные бои, грохот которых слышен был с утра до темноты. О масштабах военных действий можно было только догадываться. Когда же 12 октября вражеские войска были уничтожены, часть взята в плен, часть отступила, мы помчались на западную окраину города. Поле, где сейчас стоит памятник П. Барбашову, было плотно усыяно трупами погибших советских солдат и немцев.

С первого по восьмое октября над городом ежедневно шли воздушные бои. Навстречу немецким бомбардировщикам «Юнкерс-88» взлетали маленькие советские истребители «ЯК»-и. Зрелище было захватывающее: огромный черный вражеский самолет, а вокруг него, как стайка воробьев, летают «ЯК»-и. Разрывы снарядов сотрясали небо. На наших глазах загорались и уходили за линию горизонта наши «ястребки». Крики радости оглашали улицы города, когда подбивали «Юнкерс». Немцы всю мощь артиллерии и авиации обрушили на Затеречный район города (левобережье Терека). Стратегия была очевидна: надо было взять левобережную часть города, которая вела к началу Военно-Грузинской дороге. Фашисты знали – их разведка работала успешно, в городе были вражеские шпионы, – что мосты через Терек заминированы и взять правобережную часть будет сложно. В эти дни на Затеречный район выпало несколько сот бомб. Крупные, тяжелые бомбы обрушились на улицы Карла Маркса, Тенгинскую, где располагались воинские казармы. В оккупированное селение Гизель привезли новую модель дальнобойной пушки с очень длинным стволом. С 6-го по 8-е октября из этого орудия велся обстрел города. Один из снарядов угодил в угол второго этажа современного военного института, что на проспекте Мира. Мы бежали смотреть на полностью разрушенный угол здания.

В 1942 году мне в руки попала немецкая топографическая карта территории от Владикавказа до Крестового перевала, что расположен на Военно-Грузинской дороге и через который попадаешь в Грузию. В студенческие годы (1952–1956) я активно работал экскурсоводом по маршруту «Владикавказ–Тбилиси». Как студент-географ, брал всегда с собою ту самую карту и поражался ее точности: на ней были обозначены не только все дороги и населенные пункты, но и горные тропы, даже коши, каменные низкие заборы, куда на ночь загоняли отары овец. В предстоящей войне коши были бы надежным укрытием для пулеметчиков. Каким образом немецким топографам удалось сделать такие подробные карты, оставалось долго загадкой. Ведь аэросъемка территории Кавказа, как и любой другой советской территории, была полностью исключена.

В 1914–1916 году на территории Северной Осетии остались жить немцы. Они были добропорядочными, аккуратными гражданами СССР. Очевидно, среди них были законсервированные осведомители, бывшие военнослужащие Германии. К их горю, о них вспомнили. Вот тогда-то человек сядил на обычный велосипед, ехал по Военно-Грузинской дороге и, пользуясь топографическими глазомерными приемами съемки местности, собирал тактическую информацию,

которая способствовала коррекции германских топографических карт.

Все жители Северной Осетии знали из сообщений по радио, по плакатам, расклеенным на домах города и сел, о коварстве вражеских шпионов и диверсантов. Нас призывали быть бдительными. Очевидно, это и стало причиной поимки шпиона на вокзале Беслана. Немолодой мужчина торговал семечками. Кто-то заметил, что при прохождении поездов он почему-то клал то в правый, то в левый карман по одной семечке. Оказалось, что он вел учет пропускной способности Бесланского железнодорожного узла, который имел стратегическое значение. В левый карман – семечки по числу поездов, уходящих на юг, в правый – поезда на север. Шпион был задержан.

В дни боев за Владикавказ ребята занимались весьма опасным коллекционированием. Во время воздушных боев на крыши домов и на улицы градом сыпались осколки снарядов, которые разрывались в воздухе. Собрать осколки было делом взрослых ребят, дело в том, что на наружной гладкой поверхности осколков можно было найти маленькую звездочку (это на нашем снаряде), либо свастику (осколок немецкого снаряда). У коллекционеров такие осколки очень ценились. А ведь собирать их надо было прямо во время боя.

10 октября прозвучал по радио приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о полном разгроме немцев под Владикавказом. А уже 15 октября на театральной площади города открылась выставка трофейного немецко-

го оружия. На ней были представлены и та самая дальнобойная пушка, и шестиствольные минометы, которые немцы, в пику нашему ракетному комплексу «Катюша», называли «Ванюша».

Началась мирная жизнь города. В школах организовывались концертные бригады. Мы ходили по госпиталям, пели для раненых песни, читали стихи, играли на скрипке, гармошке. Мальчики постарше бродили по полям бывших сражений, которые были усеяны нераззорвавшимися снарядами, минами и другими видами оружия. Собрав полную тачку, везли все это сдавать в военкомат. Уже в 1944 году ничто не напоминало о близости войны, о трагических днях у стен Владикавказа.

9 мая 1945 года прозвучал приказ о полной победе Советского Союза в Великой Отечественной войне. Сутки гремели военные оркестры на улицах и в парках города. Военные и гражданские взрослые, да и многие мальчики, прямо в одежде бросались в воду в городском парке культуры и отдыха. Гуляние по улицам города продолжалось почти до полуночи.

Вот и наступил долгожданный мир. Однако война иногда давала о себе знать: то трактор во время пахоты наткнулся на невзорвавшийся снаряд или мину, то ребята, найдя их, пытались разрядить, бросали в костер. Случаев было немного, но трагические случались. Только к 1955 году практически все пространство бывших боев было очищено от опасных свидетелей жестокой войны.

